

Сюжет в литературе и фольклоре

УДК 821.161

DOI 10.25205/2410-7883-2020-1-5-22

Рассказ о видении Кирилла Белозерского в севернорусских житиях основателей монастырей: Жития Кирилла Белозерского и Александра Свирского

Т. И. Ковалева

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассмотрена роль схожего рассказа о видении в агиографической концепции святости Кирилла Белозерского и Александра Свирского. При анализе эпизодов Житий Кирилла и Александра, содержащих видения, показано, что в биографии Кирилла рассматриваемое видение знаменует этап перехода святого к его главному подвигу – основанию монастыря. В Житии Александра подобный рассказ свидетельствует лишь об одном из этапов духовного пути подвижника. Являясь равновеликим Кириллу в подвиге основания монастыря, Александр известен прежде всего как тайнозритель Троицы. Это видение и становится наиболее значимым по смыслу в его Житии. Важнейшие в концепции Житий Кирилла и Александра рассказы о видениях повлияли на иконографию святых, послужив основой ставших весьма распространенными иконных сюжетов «Явление Богородицы Кириллу Белозерскому» и «Явление Святой Троицы Александру Свирскому».

Ключевые слова

древнерусская литература, агиография, севернорусские жития основателей монастырей, литературный источник, рассказ о видении Кирилла Белозерского, сюжетная схема, эпизод жития, сюжет иконы

Для цитирования

Ковалева Т. И. Рассказ о видении Кирилла Белозерского в севернорусских житиях основателей монастырей: Жития Кирилла Белозерского и Александра Свирского // Сюжетология и сюжетология. 2020. № 1. С. 5–22. DOI 10.25205/2410-7883-2020-1-5-22

The Story about the Vision of Cyril Belozersky in the North Russian Lives of the Monasteries' Founders: The Lives of Cyril Belozersky and Alexander Svirsky

T. I. Kovaleva

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The story about the vision of Cyril Belozersky is the first description of the Virgin's appearance, indicating the place of the monastery's foundation, in Russian hagiography. The text of

© Т. И. Ковалева, 2020

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетология. 2020. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 1

this story is read in the North Russian Lives of the monasteries' founders: Therapont Belozersky's, Alexander Svirsky's, Ephraim of Perekom's, Cyril Novoezersky's, Philip of Irap's. From our point of view, there is a process of mastering by hagiographers the episode of the vision from the Life of Cyril Belozersky as a literary device for constructing the situation of the ascetic's religious retreat in the listed monuments. In them the story of the vision is introduced by the authors in the narrative when the title character for some reason cannot make religious retreat, and this vision helps him to achieve what he wants. There is a similar plot schemes in these Lives, but the borrowed episode is used differently by their authors. They use it in accordance with the characteristics of the ascetic's holiness. From this point of view, we have already examined the using of the plot fragment from the Life of Cyril Belozersky in the Life of Therapont Belozersky. The author of Therapont's Life introduces Cyril and almost literally replicates description of the saint's religious retreat from his Life without making Therapont the visionary. The story about the vision of Cyril Belozersky in the Life of Alexander Svirsky is used otherwise. In this article the analysis episodes of Cyril and Alexander's religious retreat reveals the role of a similar story in the concept of two different Lives. In the Cyril's biography, the observed vision marks the stage of the ascetic's transition to the foundation of the monastery. This is the main achievement of Cyril. In the Life of Alexander, a similar story marks only one stage of the ascetic's spiritual path. Alexander, like Cyril, became the founder of the monastery. But above all, he is known as the visionary of the Holy Trinity. This vision is the most significant in the concept of his Life. The most important stories of the visions in the Cyril and Alexander's Lives had influenced the iconography of the saints becoming the basis for popular iconographic versions of compositions "The Apparition of the Virgin to Cyril Belozersky" and "The Apparition of the Holy Trinity to Alexander Svirsky".

Keywords

Old Russian literature, a hagiography, North Russian Lives of the monasteries' founders, a literary source, the story about the vision of Cyril Belozersky, a plot scheme, an episode of Life, an iconographic version

For citation

Kovaleva T. I. The Story about the Vision of Cyril Belozersky in the North Russian Lives of the Monasteries' Founders: The Lives of Cyril Belozersky and Alexander Svirsky. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 1, p. 5–22. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-1-5-22

Кирилл Белозерский – основатель монастыря во имя Успения Пресвятой Богородицы, ставшего в XV в. одним из главных центров духовной культуры Московской Руси. То, что мы знаем о Кирилле, во многом известно из его Жития¹, составленного по заказу вел. кн. Василия Темного около 1462 г. профессиональным агиографом Пахомием Сербом (с. 9). Житие Кирилла, в отличие от других сочинений Пахомия, написано главным образом на основе рассказов очевидцев (прежде всего учеников подвижника – игумена Кассиана и Мартиниана Белозерского). В силу авторитета не только самого святого, но и Пахомия Сербского Житие Кирилла Белозерского послужило источником при написании многих сочинений древнерусской агиографии². В данной работе мы обратимся к частному примеру влия-

¹ В работе используется текст Жития Кирилла Белозерского, опубликованный в издании: [Преподобный..., 2011]. Далее в круглых скобках указываются страницы этого издания.

² Т. Б. Карбасова отмечает, что «на сегодняшний день установлены только некоторые из произведений, испытавших на себе его влияние, однако очевидно, что их число намного

ния Пахомиева Жития на ряд севернорусских житий основателей монастырей XVI–XVII вв. Речь идет об эпизоде, посвященном основанию монастыря, которое произошло, как мы узнаем из текста, благодаря видению святого, описанному в рассказе «О явлении Пречистыя Богородица» (с. 91–92)³. Текст этого рассказа читается в Житиях Ферапонта Белозерского, Александра Свирского, Ефрема Перекомского, Кирилла Новоезерского, Филиппа Ирапского. В них, на наш взгляд, можно проследить процесс овладения агиографами эпизодом видения из Жития Кирилла Белозерского как приемом для построения ситуации ухода подвижника из монастыря в пустынь. В перечисленных памятниках рассказ о видении вводится авторами в повествование в момент, когда заглавный герой по какой-либо причине не может осуществить духовную потребность в безмолвии, и именно видение позволяет ему достичь желаемого. При наличии схожих сюжетных схем в Житиях их авторы по-разному используют заимствованный эпизод, оформляя его в соответствии с особенностями концепции святости того или иного подвижника.

Ранее нами с этой точки зрения подробно рассматривался случай включения сюжетного фрагмента из Жития Кирилла Белозерского в Житие Ферапонта Белозерского, в котором фигурирует сам Кирилл, и соответствующий рассказ о видении также принадлежит ему [Ковалева, 2016]. Иначе используется текст рассказа о видении Кирилла Белозерского в Житии Александра Свирского.

Житие Александра Свирского составлено его учеником и приемником на посту игумена Иродионом в 1545 г. Исследователями неоднократно отмечалась компилятивность этого сочинения. В Житии Александра цитируется значительное количество русских и переводных агиографических сочинений (Жития Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского, Кирилла Белозерского, Пафнутия Боровского, Саввы Сербского, Евстафия Плакиды, Онуфрия Великого, Пахомия Великого, Чудо архистратига Михаила «иже в Хонех», и это далеко не все)⁴. Высокая степень цитирования – распространенное явление в русской агиографии середины – второй половины XVI в. [Карбасова, 2011, с. 43]. В большой степени компилятивны и названные ранее Жития Кирилла Новоезерского, Филиппа Ирапского, Ефрема Перекомского. Но это объясняется тем, что у составителей этих житий было недостаточно сведений о жизни святых [Карбасова, 2008; Крушельницкая, 1996, с. 12]. Напротив, у автора Жития Александра Свирского в сведениях о подвижнике недостатка не было.

Очевидно, что агиограф XV в., выходец с Афона, Пахомий Серб и русский агиограф XVI в. Иродион используют разные творческие принципы, составляя

больше. Это Жития Зосимы и Савватия Соловецких, Мартиниана и Ферапонта Белозерских, Александра Свирского, Корнилия Комельского, Стефана Махрищского, особой редакции Жития Авраамия Смоленского» [Карбасова, 2011, с. 29]. Кроме того, исследовательница подробно рассматривает заимствования из Жития Кирилла Белозерского в Житии Кирилла Новоезерского [Там же, с. 29–33].

³ Е. А. Рыжова обратила внимание, что это первое в русской агиографии описание явления Богородицы, указывающей место основания монастыря, восходящее к Житию Сергия Радонежского [Рыжова, 2008, с. 425].

⁴ Об оригинальных источниках см.: [Ключевский, 1871, с. 262–263; Яхонтов, 1881, с. 39–87, 334–377; Пак, 2017]. О переводных см.: [Гаврюшина, 1985; Пак, 2001; Пигин, Запольская, 2004, с. 281].

биографии подвижников. Пахомий, не зная Кирилла лично, и, как пишет В. Яблонский, «не имея повода относиться к рассказам его учеников с недоверием», должен был стать «тростью книжника скорописца», также Пахомию нужно было учитывать еще и русские вкусы, ставшие ему более известными после работы над Житием Сергия Радонежского [Яблонский, 1908, с. 93]. Что касается Жития Александра, то в нем продемонстрирован, по словам Л. А. Дмитриева, основной принцип работы агиографа XVI в., а именно: рассказать о святом, так, как об этом уже рассказывалось о других святых, но имея в виду реальные факты его жизненного пути [Дмитриев, 1988, с. 441].

Итак, Жития Кирилла и Александра мастерски составлены и были весьма популярны на Руси. Их авторам удалось создать идеальный образ святого-основателя монастыря и при этом отразить индивидуальность духовного пути подвижников.

Далее покажем, как агиографы решали свои задачи на практике. Для этого сравним построение сюжетных эпизодов Житий Кирилла и Александра⁵, содержащих названный рассказ, и проанализируем его роль в житиях. Будем говорить поэтапно сразу об обоих текстах, поскольку эпизоды построены на основе общей схемы (жизнь иноков в монастыре, желание безмолвствовать в пустыни, которое они не могут осуществить, – видение, после которого Кирилл и Александр уходят в пустынь, – поиск подвижниками предназначенного им Всевышним места спасения – продолжение духовного пути иноков в пустыни, основание монастырей)⁶.

Итак, Кирилл Белозерский был постриженником московского Симонова монастыря Успения Богородицы, Александр Свирский – Спасо-Преображенского монастыря на Валааме. Авторы житий, описывая духовные пути иноков в монастырях, сообщают, что своими подвигами Кирилл и Александр снискали славу в миру. Чуждаясь ее, они решают укрыться в пустыни, но не могут этого сделать. В Житии Кирилла представлена ситуация внутреннего конфликта подвижника: он, не будучи уверен, что решение угодно Высшим силам, «много с таковым помыслом боряшеся» (с. 89). В Житии Александра заглавного героя не отпускает игумен монастыря, считая, что инок, «не утвердивше ногу на корени перваго степени общаго житиа» (с. 44), не готов к подвигу безмолвия. Далее в сочинениях читается схожий фрагмент с изложением событий, начинающихся видением святых и завершающихся их поселением на богоизбранном месте.

⁵ В работе используется текст Жития Александра Свирского, опубликованный в издании: [Житие Александра Свирского, 2002, с. 23–105]. Далее в скобках указываются страницы этого издания.

⁶ Рассматривая в житиях текстуальные заимствования, исследователь соприкасается с такой важнейшей особенностью средневековой поэтики, как литературный этикет, в нашем случае речь идет об этикете ситуации [Лихачев, 1987, с. 352–357]. Учитывая это, мы в своей работе основное внимание уделяем анализу сюжетосложения Житий Кирилла и Александра, поскольку рассказ о видении Кирилла Белозерского ранее никем не рассматривался как сюжетообразующий. Данное исследование намечает выходы и в область смежных проблем: поэтики уподоблений (см., например: [Панченко, 2003]), принцип работы древнерусских авторов (см., например: [Буланин, 1983]), топики (см., например: [Руди, 2005]) и др., их рассмотрение останется также за пределами настоящей статьи.

Житие Кирилла Белозерского

И много с таковым помыслом боряшеся, выну моляся Богу и Пречистой Его Матере, глаголя: «Пречистая Мати Христа Бога моего! Ты веси, яко всю мою надежду по Бозе на тебе възложих от юности моеа. Ты убо, якоже сама веси, настави мя на путь, въ нем же възмогу спастися». И тако ему многази моляшуся.

Бяше же обычай святого по многом своем правиле и славословлених в глубокий вечер, егда хотяше нечто мало сна вкусити, абие последи Акафисто Пречистой пояше. Тако бо всегда творяше. Случи же ся ему в едину от ночей моляшуся, вечеру глубокоу сущу, и Акафисто Пречистой по обычаю поющу пред образом ея, и егда доиде места, писаннаго в иконе, «Странно рожество видеьше, устранимся мира, ум на небо преложим»,

О явлении Пречистыа Богородица, егда явися святому Кириллу и повеле ему отити на Белоезеро ⁷

абие слышитъ глас, глаголющъ: «Кирилле, изыди отсюду и иди на Белоезеро, тамо бо уготовах ти место, в немъ же възможеши спастися». Абие с гласом онем свет велий явися тогда. Отворив же оконци келии, видит свет велий, сияющъ к полунощним странам Бела озера, и гласом онемъ яко перстом показаше место то, идеже ныне монастырь стоит. Тем же святыи Кирилл от гласа оногo и видения радости многи исполнився. Разуме бо от самого того истоваго видения, яко не презре Пречистаа Богомати прошения его, и всю ночь бдяше дивяся бывшему с гласом

Житие Александра Свирского

И паки же иногда в едину убо ночь блаженный моляшеся Богу и Пречистой Его Богоматери: «Пречистая мати Христа Бога нашего, ты веси, яко всю мою надежду по Бозе възложих на тя. Ты убо яко сама веси, настави мя на путь, в нем же възмогу спастися». И тако ему многажды моляшуся.

И абие же слышитъ глас, глаголющъ: «Алексадре, изыди отсюду и иди на прежде показаное тебе место, в немъ же възможеши спастися». И абие же с гласом онем и свет велий явися тогда. Открыв же блаженный оконце кельи и видит свет велик, сияющъ к востоку и к полудни. И гласом онем, яко перстом, показаша место оно, идеже ныне монастырь всеми зрится благодатию Христовою. Преподобный же от гласа оногo и виденья радости многи исполнися. Разумев бо от самого того истиннаго видения, яко не презре Господь моления его. И всю ночь бдящи

⁷ Заглавие в этом месте текста вставлено по смыслу публикатором Жития Г. М. Прохоровым. В списке, по которому памятник издается (РГБ. Собр. Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304. № 764), оно написано на верхнем поле листа (с. 91).

видению. И не бьяше ему она ночь яко ночь, но яко день пресветлый.

И понеже убо сим тако бывающим, по мале времени прииде Ферапонт от Бела озера, едино пострижение имы съ святым. Начат же его блаженный Кирил въпрошати, есть ли места тамо? на Беле озере, идеже бы мощно безмолъствова-ти иноку. Ферапонт же: «Ей, зело, – рече, – суть многа места к единению». Блаженный же видение ему не поведат, но тако просто въпрашаше его.

Таже по времени, съгласившеся, оба изыдоша от монастыря, идеже свя-тый жилище имаше.

И тако, *Богу поспешствующу* им, пути касаюся и многы дни шествие творяще, приидоша на Белоозеро. И тако обхожааху многа места, но нигде же святой не възлюби место к житию, но искаше указаннаго ему места, на не же Пречистою преже, еще сый в древней обители, зван бьяше.

По обхождении же многих мест, последи приидоша на место, идеже ныне манастирь стоит. Абие позна святой *преже указанное ему место и възлюби зело. И сътворив молитву, и рече: «Се покой мой въ веки века. Зде вселюся, яко Пречистая изволи его. Благословен Господь Бог отныне и до века, иже услыша моление мое».* И тако крест въдрузивше на месте и благодарный канон отпевше в похвалу Пречистыя Владычица наша Богородица и Приснодевы Мариа. Тогда убо блаженный Кирил вся явленно сътворяет спутнику своему Ферапонту, – како Пречистая явися ему еще в древней обители и глас, бывший к нему, еже изыти от древняя обители и в сия места приити. «Еже и не погрешихом, – рече, – помощию наставляем Пречистыя Бгороди-

и молящися дондеже время бьяше утрени.

И по мале же времени паки приходит блаженный к игумену и припад на землю и молится, и поведает вся бывшая, како ему на пути и како ему в манастири явленная вся по ряду сказует. Игумен же, се слышав от уст блаженнаго, и прозряшет и внутренима очима, яко благодать Божиа бе на нем, и глаголаше: «Воля Господня, чадо, да будет»... Блаженный же Александр, благословен быв от игумена, радости исполнися и слезамъ же многым от очию его изливатися, и помолився на мног час всемилостивому Спасу и Пречистей Его Богоматере. И нощи наставши *изыде от монастыря*, ничтоже взем, разве потребную ризу, *идеже преподобный жилище имеша. Богу, поспешствующу* ему, пути касаются и немногими же *днемъ шествия* путь преиде.

И тако преподобный приходит на *прежде показаное ему богом место и възлюби его зело, и сотворив молитву, и рече: «Се покой мой в век века, зде вселюся, яко Господь изволи его. Благословен Бог отныне и до века, иже услыши моление».* Тогда блаженный благодарныя о сем молитвы Богу воздав.

ця». Ферапонт же яко услыша, и обои прославиша Бога и Пречистую Его Богоматерь.

Первее сень потыкоше, и тако начяша копати келию въ земли. И тако сему бывающу, и время некое препроводивше вкупе. Но не съгласни обычаи бяху в них: Кирил бо тесное и жестокое хотяше, Ферапонт же пространное и гладкое, и сего ради друг от друга различияся. Блаженный Кирил остася на месте том, Ферапонт же отиде прочее отгуду <...>

Место же оно, идеже святыи Кирилл вселися, бор бяше велии, чаща и никому же ту от человек живущу. Место убо мало и кругло, но зело красно, всюду, яко стеною, окружено водами (с. 89–93).

Приход святого в пустыню

И посеем начят дело, первие сътвори себе хизину малу, в ней же нечто мало покои приимаше от труда.

Место же то, идеже преподобный Александр вселися, не велико зело, но бор бяше, лесом же и езеры исполнено велми. И красно же бяше отвсюду, и никому же ту от человек прежде живущу (с. 45–47).

Осмысливая рассказ о видении Кирилла в контексте своего произведения, автор Жития Александра удаляет фрагмент, весьма значимый для концепции святости Кирилла, жизнь которого связана со служением Богородице, где сообщается об обычае подвижника в завершение долгого ночного правила петь акафист в ее честь. При этом он подчеркивает на уровне словесных деталей, что Александра на духовном пути сопровождает сам Всевышний. Например, Александр, пребывая в радости после видения, мысленно благодарит Господа: «Разумев бо от самого того истиннаго видения, яко не презре *Господь* моления его» (с. 45–46). А Кирилл в этой же ситуации благодарит Богородицу: Разуме бо от самого того истоваго видения, яко не презре *Пречистаа Богомати* прошения его (с. 91). Автор Жития Александра трактует заимствованный рассказ о видении как откровение, дарованное подвижнику Господом. При этом он включает его в свой текст без заглавия, в то время как в Житии Кирилла оно имеется. Акцентируя рассказ о видении, заглавие однозначно указывает, что будущему святому является Богоматерь.

Кроме того, в Житии Александра переосмыслены все моменты биографии Кирилла, связанные с иноком Ферапонтом. Вместо рассказа о приходе Ферапонта к Кириллу, скрывшему видение, в Житии Александра читается рассказ, в котором святой, напротив, открывает свое видение игумену монастыря. Еще три эпизода, связанные с Ферапонтом, в Житии Александра излишни по смыслу. Их Иродион в свое сочинение не включает (речь идет о следующих эпизодах: поиск иноками в пустыни показанного Богородицей места; рассказ Кирилла Ферапонту о видении; описание различий во взглядах, из-за которых Кирилл и Ферапонт, поселившиеся сначала в одном месте, разошлись).

Изменение фрагмента текста из Жития Кирилла в соответствии с фактами биографии Александра не разрушает в Житии Свирского подвижника описанную ранее сюжетную схему. Следуя ей, продолжим аналитический пересказ эпизодов.

Рассказ о видениях иноков начинается, когда они обращаются в молитве к Богородице с просьбой наставить их на путь спасения и неожиданно слышат повеление идти на предназначенное им место, а также видят яркий свет, указывающий, куда нужно следовать.

В обоих Житиях после видений иноки покидают монастыри. Кирилл укрепляется в намерении безмолвствовать и вместе с духовным братом, иноком Ферапонтом, не единожды бывавшем в Белозерье, уходит в эту местность. Ферапонт, ничего не зная о видении, по воле Высших сил становится проводником Кирилла и помогает ему отыскать в пустыни богоизбранное место. В Житии Александра игумен, услышав рассказ о видении, отпускает подвижника из монастыря, и тот по велению Всевышнего приходит на реку Свирь, где ему еще до пострижения, по дороге из дома в монастырь, было самое первое видение. Содержание этого видения таково: будущий инок, помолясь, чтобы Господь наставил его на путь спасения, заснул и услышал во сне предсказание, что станет для многих, собранных Господом, духовным отцом, а Божественный луч указал место, на которое ему суждено будет вернуться. Так Александр выбирает место поселения согласно указанию Высших сил. Но в Житии Александра с поселением святого на предназначенном ему месте связаны еще два события – видение и чудо. Место, на котором инок обосновался, вновь было озаменовано Божественным лучом. Также голос свыше повторил предсказанное ему в упомянутом первом видении: «Се же ти множество люди безчисленно собрах... ты же убо их не отрини» (с. 47).

Далее в сочинениях повествуется о продолжении духовного пути Кирилла и Александра в пустыни, где у иноков также не получается избежать славы: к ним и здесь навевываются люди. В Житии Кирилла вокруг подвижника постепенно собирается братия, и он, воплощая Божий промысел, основывает монастырь. В Житии Александра, напротив, подвижник, находясь в пустыни много лет, монастырь основать не торопится. Это происходит только после повеления Всевышнего. Сначала Александру два раза является ангел и велит ему именем Господа построить церковь и монастырь. В следующем видении то же повеление повторяет уже сам Господь, явившийся в образе Троицы. В последнем видении герою Жития еще раз является ангел, указывая место создания будущей церкви. Так в сюжете Жития Александра ситуация основания монастыря завершается с помощью ряда видений.

Обратим внимание, что в сюжетах Житий Кирилла и Александра схожий рассказ о видении вводится агнографами не только, как уже говорилось, в ситуации, когда инок не имеет возможности покинуть монастырь ради безмолвия, но и в композиции обоих сочинений он занимает одно и то же место: завершает вступительную часть. Далее, анализируя его роль, рассмотрим, как авторы в сюжетах расставляют смысловые акценты, создавая образы святых.

Что касается Жития Кирилла, заглавному герою в нем даровано единственное видение, и в композиции сочинения оно соотносится с другим элементом – Духовной грамотой преподобного, завершающей основную часть сочинения (с. 141–144). Духовная грамота – один из немногочисленных письменных источников, включенный Пахомием Сербом в произведение. Агнограф переработал все места этого документа, касающиеся имущественных пожалований монастырю⁸, акцен-

⁸ Текст документа см.: [Преподобный..., 2011, с. 65–67].

тируя внимание на стремлении Кирилла сберечь установленный им в обители общежительный порядок (с. 62). Духовная грамота в Житии Кирилла представляет собой не просто отредактированный документ, но эпизод, связанный с завершением земного пути подвижника. На уровне композиции два названных элемента в сочинении представляют собой рамку, таким образом в центре повествования оказывается деятельность Кирилла как основателя и игумена монастыря – главный его подвиг. Во многом благодаря ученикам Кирилла, информаторам Пахомия, в Житии сформирован образ святого, как одного из столпов древнерусского иночества, нестяжателя [Яблонский, 1908, с. 93]⁹, автора одного из авторитетнейших на Руси монастырских уставов, заложившего традицию распространения «общежительных» монастырей по Северу Руси.

Следует отметить и тот факт, что рассказ о видении Кирилла стал сюжетообразующим не только для Жития, повлияв и на иконографию святого¹⁰. Изображение эпизода видения первоначально появляется на житийных иконах в начале XVI в.¹¹ Яркий пример – икона из собрания Русского музея (ГРМ. Инв. ДРЖ-2741) (5-е клеймо) (рис. 1). Как отдельный иконографический извод «Явление Богородицы Кириллу» появляется в XVII в. Одно из наиболее ранних дошедших до нас изображений выявляется в составе композиций, оформляющих створки киота (верхняя композиция правой створки), устроенного в 1614 г. для образа Кирилла Белозерского, написанного, по преданию, за три года до смерти подвижника, в 1424 г., Дионисием Глушицким [Шаромазов, 2004]¹² (рис. 2).

⁹ Тема нестяжательства Кирилла требует оговорки, поскольку в реальности иноки его монастыря персонально были неимущими, но сам Кирилл совершал купчие сделки, монастырь владел селами и землями (с. 39–41). Данный пример показывает, что образ реального человека может не совпадать с почитаемым образом святого.

¹⁰ О влиянии текста Жития Кирилла Белозерского на житийные иконы святого см.: [Кочетков, 1981, с. 332–335]. Заметим, что изображения Кирилла Белозерского получили в XVI–XVII вв. широкое распространение в различных видах искусства: книжной миниатюре, шитье, памятниках декоративно-прикладного искусства. То же самое относится и к изображениям Александра Свирского. Мы обращаемся прежде всего к иконописи как к виду искусства, наиболее близкому к жанру жития.

¹¹ См. об этом иконографическую справку Т. Н. Нечаевой к иконе «Явление Божией Матери преподобному Кириллу Белозерскому» на сайте Церковно-археологического кабинета при Московской духовной академии: <https://new.mpda.developer.stack.net/cak/collections/step/1211390.html> (дата обращения 10.06.2020).

¹² М. Н. Шаромазов описывает два иконографических извода композиции, о которой идет речь: «Первый дан на житийной иконе начала XVI в. из собрания Русского музея (см. изображение, приведенное нами в статье. – Т. К.), где тема Явления решена без изображения Богородицы, что можно рассматривать как краткий вариант сюжета, определенный особенностями конкретного житийного цикла. На створке киота выбрана иная иконографическая схема. Представлен интерьер кельи, где преподобный читает по книге перед иконой Богородицы. Рядом он же, выглядывающий из окна, перед которым стоит Богородица, обращенная к нему и правой рукой указывающая на север (правый верхний угол композиции с написанными там двумя белостенными церквями). Художник разворачивает пространство интерьера кельи так, что выглядывающий в окно Кирилл предстает перед зрителем в благоговейном поклоне перед Богородицей, склонившей к нему голову <...> Истоки иконографического извода рассматриваемой композиции восходят к последней четверти XVI в.» [Шаромазов, 2004, с. 33].

Рис. 1. Преп. Кирилл Белозерский с житием, начало XVI в.
Изображение воспроизводится по изданию: [Соловьева, 2009]

Fig. 1. St. Cyril Belozersky with Life (the early 16th century)
The image is reproduced by publication: [Solovyeva, 2009]

Рис. 2. Киот 1614 г. с иконой преп. Кирилла Белозерского
Изображение воспроизводится по изданию: [Преподобный..., 2011, с. 59]
Fig. 2. The icon case (1614) with the icon of St. Cyril Belozersky
The image is reproduced by publication: [The Reverend..., 2011, p. 59]

Вновь обратимся к Житию Александра. В части сюжета его Жития, в которой развертываются события, связанные с основанием монастыря, в отличие от Жития Кирилла, насчитывается семь видений и чудо. Связанные между собой по смыслу видения вместе с чудом формируют символический план сюжета. Выстраивая в Житии духовный путь святого, Иродион показывает, что жизнь Александра окружена ореолом божественных чудес. С одной стороны, они знаменуют ключевые этапы духовного пути Александра, соотносящиеся с ситуациями ухода из дома в монастырь, из монастыря – в пустынь, выбора места поселения в пустыни, основание обители, и подчеркивают «ступенчатый» путь духовного восхождения инока. С другой стороны, содержание видений в сочинении поэтапно раскрывает и Высший замысел. Это может заметить внимательный читатель, но сам герой Жития, происходящих с ним чудес как будто не замечает и к основанию монастыря не стремится. (Согласно правилам аскетики, истинный подвижник не должен легко верить чудесам и знамениям, опасаясь бесовской прелести. В этом

смысле поведение Александра безупречно.) Поэтому приобретают особое значение в общей концепции памятника видения ангела и Троицы, становясь свидетельством апогея духовного пути подвижника. Значимость данной группы видений подчеркивается ее центральным местоположением в композиции Жития. Кроме того, рассказы об этих видениях, как и рассказ о видении Кирилла Белозерского, в тексте маркированы заглавиями «О приходе святого аггела к преподобному», «О видении Святыя Троица». Во время диалога Александра с Троицей раскрывается, что Александр, как мы понимаем, видел свое предназначение в пустынножительстве, считая себя недостойным быть основателем обители: «Кто есмь аз? Грешник, Господи мои, и всех человек хужьейший. Аз же убо, Господи, не сего ради приидох на место се, да строю монастырь, но да плачюся грех моих» (с. 60). Господу подвижник не может не покориться, так он становится основателем Свято-Троицкого монастыря.

Текст Жития Александра также повлиял на иконографию святого. Изначально эпизод явления Троицы Александру прослеживается на житийных иконах XVI в. Наиболее ранняя из сохранившихся – образ Александра Свирского с житием и чудесами 1547–1554 гг. из Успенского собора Московского кремля (ГММК. Инв. Ж-291) (явление Троицы Александру – клейма 55–57) [Журавлева, 1998]¹³ (рис. 3). В XVII в. «Явление Святой Троицы преподобному Александру» получило широкое распространение как отдельный иконный сюжет¹⁴. Самый ранний среди дошедших до нас образ, на котором он изображен, хранящийся в Музее русской иконы, относится ко второй четверти XVII в. (МРИ. Инв. ЧМ-482)¹⁵ (рис. 4).

Популярность этого сюжета обусловлена тем, что явление Троицы подвижнику в истории русской святости считается единственным прецедентом после явления Троицы Аврааму, описанного в Ветхом Завете. Александра Свирского сравнивают с ветхозаветным праведником, называя «новозаветный Авраам». Считается, что данное Аврааму Богом благословение делает его «отцом всех верующих» (Рим. 4; 11).

¹³ И. А. Журавлева отмечает уникальность композиции данной иконы, включающей небольшой средник с изображением святого, и, напротив, большое количество клейм (129), представляющих его деяния. Такой, почти дословный, перевод Жития на язык иконописи, по мнению исследовательницы, вызван тем, что в связи с общерусской канонизацией святых на соборах 1547 и 1549 гг. житийный жанр как в литературе, так и в иконописи получил мощный импульс к развитию. В области житийных икон произошли изменения, нашедшие выражение в более подробном пересказе литературного источника [Журавлева, 1998, с. 118–124].

¹⁴ Он представлен либо на фоне построек монастыря (палица конца XVII в. ГРМ. Инв. ДРТ-217), либо деревянной кельи (икона конца XVII в. ГМЗК. Инв. Ж-1442; Житие А. С. – ГРМ. Др. гр. 26, 1715 г.) [Макарий (Веретенников) и др., 2000, с. 539]. Это не единственный иконографический извод, возникший под влиянием эпизода видения из Жития Александра Свирского. Например, весьма популярным был также сюжет, связанный в сочинении со строительством каменного храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы, – «Явление Богоматери преподобному Александру» (иконы второй половины XVI в. ГТГ. Инв. 22048; конца XVI в. – ГЭ. Инв. ЭРИ-5; XVII в. – Музей зарубежного искусства в Хельсинки. Инв. S-1993-282) [Там же].

¹⁵ См. об этом иконографическую справку к иконе «Явление Святой Троицы преподобному Александру Свирскому» на сайте Музея русской иконы: <http://new.russikona.ru/collection/section-4/63> (дата обращения 10.06.2020).

Думается, в этом же смысле можно прочитывать приведенные нами ранее слова Всевышнего, сказанные Александру в одном из видений: «Се же ти множество люди безчисленно собрах... ты же убо сих не отрини». Поэтому имеет смысл соотносить житийный и иконный сюжеты явления Троицы Александру с библейским сюжетом явления Троицы Аврааму.

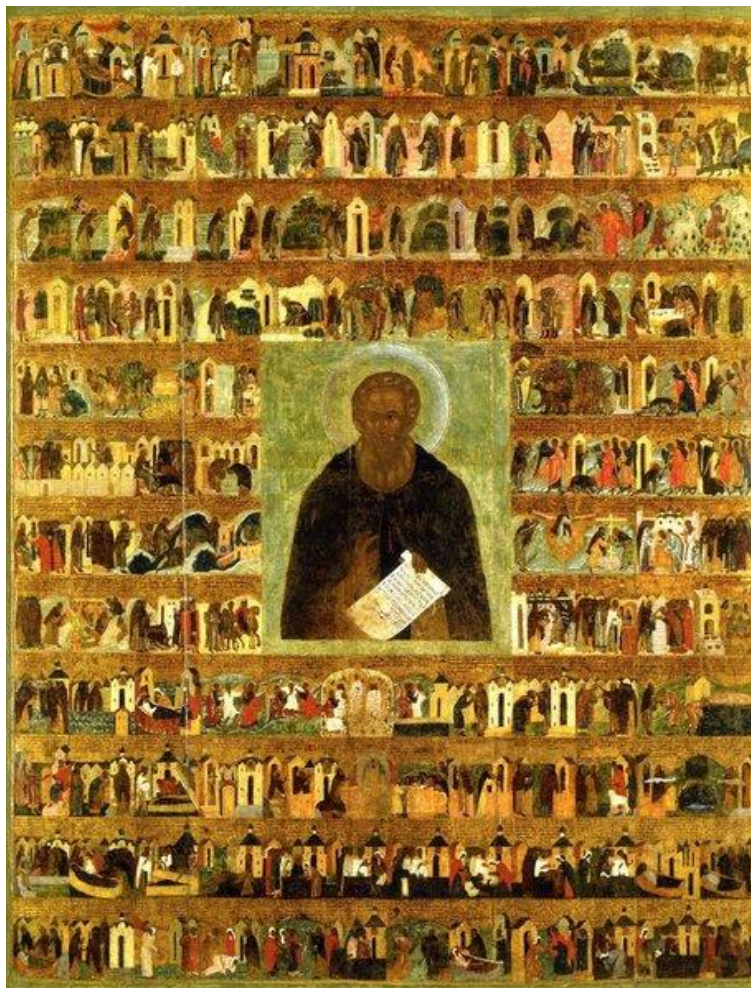

Рис. 3. Преп. Александр Свирский с житием и чудесами, 1547–1554 гг. Изображение воспроизводится по изданию: [Комашко, Саенкова, 2007]

Fig. 3. St. Alexander Svirsky with Life Scenes and Miracles (1547–1554)
The image is reproduced by publication: [Komashko, Saenkova, 2007, p. 320]

Рис. 4. Явление Святой Троицы преп. Александру Свирскому, вторая четверть – середина XVII в.

Изображение с сайта Музея русской иконы:
<http://new.russikona.ru/collection/section-4/63>

Fig. 4. The Apparition of the Holy Trinity to St. Alexander Svirsky (the second quarter – the middle of the 17th century)

The Image from the site of the Museum of Russian Icon:
<http://new.russikona.ru/collection/section-4/63>

Подведем некоторые итоги наблюдений о роли схожего рассказа о видении в создании авторами Житий Кирилла Белозерского и Александра Свирского концепции святости каждого подвижника. В биографии Кирилла его единственное видение знаменует этап перехода святого к главному подвигу – основанию обители, с которым он прежде всего и вошел в историю русской святости. Будучи равновеликим Кириллу в подвиге основания монастыря, Александр известен как тайнозритель Троицы. Это видение и становится наиболее значимым по смыслу в его Житии. Что касается рассказа о видении, восходящего к Житию Кирилла, то

он в повествовании об Александре свидетельствует лишь об одном из этапов пути духовного восхождения подвижника. Вводя в свое сочинение фрагмент из Жития Кирилла, также делая этикетные заимствования из других лучших древнерусских житий, автор Жития Александра акцентирует важнейшую для Средневековья идею духовной связи между заглавным героем и великими подвижниками прошлого. Анализ репрезентации этой идеи в Житии может стать темой отдельной работы.

Список литературы

- Буланин Д. М.* О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 3–13.
- Гаврюшина Л. К.* Из истории сербско-русских литературных связей (Житие Саввы Сербского и русские агиографы) // Советское славяноведение. 1985. № 1. С. 76–81.
- Дмитриев Л. А.* Иродион // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.), ч. 1: А–К. С. 440–442.
- Житие Александра Свирского: Текст и словоуказатель / Сост. И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Л. А. Захарова, К. Н. Лемешев. СПб., 2002. 216 с.
- Журавлева И. А.* Образ Александра Свирского с житием и чудесами из Успенского собора Московского кремля // Русская художественная культура XV–XVI веков. М., 1998. С. 118–144.
- Карбасова Т. Б.* Кирилл Новозерский: история почитания. М.; СПб., 2011. 560 с.
- Карбасова Т. Б.* О литературных источниках Жития Кирилла Новозерского // ТОДРЛ. СПб., 2008. Т. 58. С. 332–365.
- Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. 480 с.
- Ковалева Т. И.* О роли видений в агиографическом повествовании (на примере рассказов о видении в житиях Кирилла и Ферапонта Белозерских) // Сюжетология и сюжетология. 2016. № 2. С. 18–22.
- Комашко Н. И., Саенкова Е. М.* Русская житийная икона. М., 2007. 352 с.
- Кочетков И. А.* Иконописец как иллюстратор жития // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 329–347.
- Крушельницкая Е. В.* Автобиография и Житие в древнерусской литературе. СПб., 1996. 368 с.
- Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 1. С. 261–654.
- Макарий (Веретенников), Журавлева И. А., Полякова О. А.* Александр Свирский // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 536–539.
- Пак Н. В.* К проблеме источников Жития Александра Свирского: переводные жития // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 145–151.
- Пак Н. В.* Об источниках Жития Александра Свирского: глава «о списавшем житие святого» // Slověne. 2017. № 1. С. 350–380.

Панченко О. В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике, гимнографии) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 491–534.

Пигин А. В., Запольская К. М. К вопросу об источниках Жития Александра Свирского (Житие Пахомия Великого и Чудо архистратига Михаила «Иже в Хонех») // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 281–288.

Преподобный Кирилл Белозерский / Под ред. Г. М. Прохорова. СПб., 2011. 304 с.

Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 59–101.

Рыжова Е. А. Сюжетный мотив «выбор места для основания монастыря с помощью чудесных знамений» в севернорусской агиографии («глас-свет») // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 422–440.

Соловьева И. Д. Преподобный Кирилл Белозерский. Житие в иконе. М., 2009. 60 с.

Шаромазов М. Н. Никита Ермолов Белозерец. Киот 1614 года и его мастер // Вестник Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. 2004. Вып. 1: Вторые Кирилловские чтения. С. 32–34.

Яблонский В. М. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. 442 с.

Яхонтов И. Жития святых северно-русских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. 377 с.

References

Bulanin D. M. O nekotorykh printsipakh raboty drevnerusskikh pisateley [On Some Principles of Old Russian Authors' Work]. In: Trudy Otdela drevnerusskoy literatury [Transactions of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, 1983, vol. 37, p. 3–13. (in Russ.)

Dmitriyev L. A. Irodion [Herodion]. In: Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi [The Dictionary of Scribes and Booklore of Old Russia]. Leningrad, 1988, iss. 2 (The second half of the 14th – the 16th century), pt. 1: A–K, p. 440–442. (in Russ.)

Gavryushina L. K. Iz istorii serbsko-russkikh literaturnykh svyazey (Zhitiye Savvy Serbskogo i ruskiye agiografy) [From the History of Serbian-Russian Literary Relations (The Life of Sabbas the Serbian and Russian Hagiographers)]. *Sovetskoye slavyanovedeniye* [Soviet Slavic Studies], 1985, no. 1, p. 76–81. (in Russ.)

Karbasova T. B. Kirill Novoyezerskiy: istoriya pochitaniya [Cyril Novoyezersky: a History of Veneration]. Moscow, St. Petersburg, 2011, 560 p. (in Russ.)

Karbasova T. B. O literaturnykh istochnikakh Zhitiya Kirilla Novoyezerskogo [On the Literary Sources of Cyril Novoyezersky's Life]. In: Trudy Otdela drevnerusskoy literatury [Transactions of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, 2008, vol. 58, p. 332–365. (in Russ.)

Klyuchevskiy V. O. Drevnerusskiye zhitiya svyatykh kak istoricheskiy istochnik [Old Russian Lives of Saints as a Historical Source]. Moscow, 1871, 480 p. (in Russ.)

Kochetkov I. A. Ikonopisets kak illyustrator zhitiya [An Icon Painter as an Illustrator of Life]. In: Trudy Otdela drevnerusskoy literatury [Transactions of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, 1981, vol. 36, p. 329–347. (in Russ.)

Komashko N. I., Saenkova E. M. Russkaya zhitiynaya ikona [Russian Hagiographic Icon]. Moscow, 2007. 352 p. (in Russ.)

Kovaleva T. I. O roli videniy v agiograficheskom povestvovanii (na primere rasskazov o videnii v zhitiyakh Kirilla i Feraponta Belozerskikh) [On the Role of Visions in Hagiographic Narration (Examples of Stories About the Vision in the Lives of Cyril and Therapont Belozersky)]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Studies in Theory of Literary Plot and Narratology], 2016, no. 2, p. 18–22. (in Russ.)

Krushelnitskaya E. V. Avtobiografiya i Zhitiye v drevnerusskoy literature [The Autobiography and the Life in Old Russian Literature]. St. Petersburg, 1996, 368 p. (in Russ.)

Likhachev D. S. Poetika drevnerusskoy literatury [The Poetics of Old Russian Literature]. In: Likhachev D. S. Izbrannyye raboty [Selected works]. In 3 vols. Leningrad, 1987, vol. 1, p. 261–654. (in Russ.)

Makariy (Veretennikov), Zhuravleva I. A., Polyakova O. A. Aleksandr Svirskiy [Alexander Svirsky]. In: Pravoslavnaya entsiklopediya [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2000, vol. 1, p. 536–539. (in Russ.)

Pak N. V. K probleme istochnikov Zhitiya Aleksandra Svirskogo: perevodnyye zhitiya [To the Problem of the Sources of Alexander Svirsky's Life: The Translated Lives]. In: Knizhnyye tsentry Drevney Rusi: Severnorusskiye monastiry [The Book Centers of Old Russia: North Russian Monasteries]. St. Petersburg, 2001, p. 145–151. (in Russ.)

Pak N. V. Ob istochnikakh Zhitiya Aleksandra Svirskogo: glava “o spisavshem zhitiye svyatago” [On the Sources for the Life of Alexander of Svir: The Chapter “About the Person who Wrote the Life of the Saint”]. *Slověne*, 2017, no. 1, p. 350–380. (in Russ.)

Panchenko O. V. Poetika upodobleniy (k voprosu o “tipologicheskom” metode v drevnerusskoy agiografii, epideyktike, gimnografii) [The Poetics of Likeness (to the Question of “Typological” Method in Old Russian Hagiography, Epideictic Oratory, Hymnography)]. In: Trudy Otdela drevnerusskoy literatury [Transactions of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, 2003, vol. 54, p. 491–534. (in Russ.)

Pigin A. V., Zapolskaya K. M. K voprosu ob istochnikakh Zhitiya Aleksandra Svirskogo (Zhitiye Pakhomiya Velikogo i Chudo arkhistratiga Mikhaila “Izhe v Khonekh”) [To the Question of the Sources of Alexander Svirsky's Life (The Life of Pachomius the Great and the Miracle of Archangel Michael at Chonae)]. In: Trudy Otdela drevnerusskoy literatury [Transactions of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, 2003, vol. 55, p. 281–288. (in Russ.)

Prochorov G. M. (ed.). Prepodobnyy Kirill Belozerskiy [The Reverend Cyril Belozersky]. St. Petersburg, 2011, 304 p. (in Russ.)

Rudi T. R. Topika russkikh zhitiy (voprosy tipologii) [The Topoi of Russian Lives (the Questions of Typology)]. In: Russkaya agiografiya: Issledovaniya. Publikatsii. Polemika [Russian Hagiography: Studies, Publications and Controversy]. St. Petersburg, 2005, p. 59–101. (in Russ.)

Ryzhova E. A. Syuzhetnyy motiv “vybor mesta dlya osnovaniya monastyrya s pomoshch'yu chudesnykh znameniy” v severnorusskoy agiografii (“glas-svet”) [The Motive is “Location of the Monastery’s Foundation with Miraculous Signs” in North Russian Hagiography (“voice and light”)]. In: Knizhnyye tsentry Drevney Rusi: Kirillo-Belozerskiy monastyr’ [The Book Centers of Old Russia: North Russian Monasteries]. St. Petersburg, 2008, p. 422–440. (in Russ.)

Sharomazov M. N. Nikita Ermolov Belozerets. Kiot 1614 goda i ego master [Nikita Ermolov Belozerets. The Icon Case of 1614 and Its Master]. *Vestnik Kirillo-Belozerskogo istoriko-arkhitekturnogo i khudozhestvennogo muzeya-zapovednika* [Herald of the Kirillo-Belozersky historical architectural art museum-reserve], 2004, iss. 1: Vtoryye Kirillovskiye chteniya [The Second Cyril Readings], p. 32–34. (in Russ.)

Solovyeva I. D. Prepodobnyy Kirill Belozerskiy. Zhitiye v ikone [The Reverend Cyril Belozersky. The Life in the Icon]. Moscow, 2009, 60 p. (in Russ.)

Yablonskiy V. M. Pakhomiy Serb i yego agiografichskiye pisaniya [Pachomius the Serb and his Hagiographic Writings]. St. Petersburg, 1908, 442 p. (in Russ.)

Yakhontov I. Zhitiya sviatykh severno-russkikh podvizhnikov Pomorskogo kraya kak istoricheskiy istochnik [The Lives of Northern Russian St. Ascetics of Pomor Region as a Historical Source]. Kazan, 1881, 377 p. (in Russ.)

Zhitie Aleksandra Svirskogo: Tekst i slovoukazatel’ [The Life of Alexander Svirsky: Text and Word index]. Comp. I. V. Azarova, E. L. Alekseeva, L. A. Zakharova, K. N. Lemeshev. St. Petersburg, 2002, 216 p. (in Russ.)

Zhuravleva I. A. Obraz Aleksandra Svirskogo s zhitiyem i chudesami iz Uspenskogo sobora Moskovskogo kremlya [The Icon of Alexander Svirsky with Life Scenes and Miracles from the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin]. In: Russkaya khudozhestvennaya kul'tura XV – XVI vekov [Russian Art Culture of the 15th – the 16th centuries]. Moscow, 1998, p. 118–144. (in Russ.)

Сведения об авторе

Ковалева Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

tkvl@inbox.ru

ResearcherID L-2832-2018

Information about the Author

Tatyana I. Kovaleva – Candidate of Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

tkvl@inbox.ru

ResearcherID L-2832-2018